

„толстая, рѣшительная и глупая“; какой-нибудь молодой священникъ, который „Николаю Ивановичу, такъ сказать, книжку принесъ“, или отецъ Герасимъ, стиль котораго, стиль рѣчи и духа, весь опредѣляется уже одной фразой его: „Въ Одессѣ тажъ дама была въ увлеченіи спиритизма и много начала вреднаго дѣлать; то все-таки Богъ помогъ вернуть ее къ Церкви“, — всѣ эти эпизодическія фигуры оказались несравненно ярче главной и центральной. Мало того: въ конфликтѣ Сарынцова и Марьи Ивановны, толстовца и его жены, читатель беретъ сторону послѣдней. Исканія и страданія, душевная неусыпность Сарынцова настраиваютъ къ нему дружелюбно; и когда онъ говоритъ глубокую истину: „ужасно то, что всегда всѣмъ некогда“, то вспоминаешь толстовское „Недѣланіе“ съ его упреками нашей мнимой занятости, нашей муравьиной хлопотливости, не оставляющей внутренняго досуга, не позволяющей думать о важномъ и вѣчномъ; и еще больше, растроганно вспоминаешь Толстого, когда герой подготавливаетъ свой уходъ изъ дому и собирается до Тулы доѣхать, а тамъ пойти пѣшкомъ далеко, на Кавказъ... Но когда Марья Ивановна плачетъ и спрашиваетъ: „какое же это христіанство? это — злость“, и что тутъ ужаснаго, что она за всю зиму одинъ разъ устроила вечеръ для гостей; когда она напоминаетъ ему, что вся ея жизнь была отдана семьѣ, и умоляетъ мужа не позорить ея, не покидать дома, и обнимаетъ его, и